

Возвращение в мир Ночных Стражей

Кэтрин
Ласки

**ВОЛКИ
ИЗ СТРАНЫ
ДАЛЕКО-ДАЛЕКО**

Одиночка

Война сов
закончилась.
Волчья стая
ждет!

Волки из страны Далеко-Далеко

Кэтрин Ласки

Одиночка

«АСТ»

2010

Ласки К.

Одиночка / К. Ласки — «АСТ», 2010 — (Волки из страны
Далеко-Далеко)

Далеко-далеко, в дикой стране за пределами королевства Га'Хуул, мать-волчица спасается бегством: один из ее щенков родился с кривой лапкой. Законы волчьих кланов суровы – стая не потерпит калеку в своих рядах. Теперь малыша должны оставить на берегу скованной льдом реки, где его ждет неминуемая гибель. Так начинается история отважного Фаолана, навсегда изменившего мир волков из страны Далеко-Далеко...

© Ласки К., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

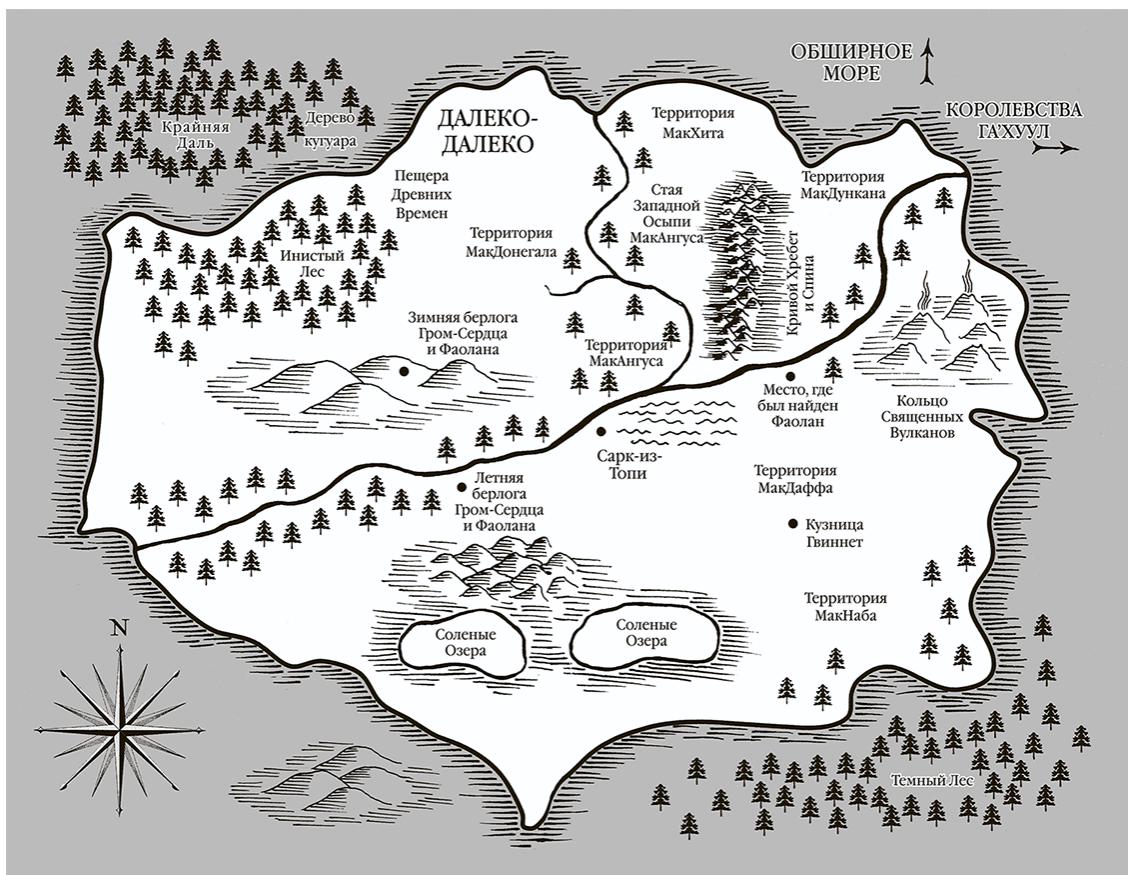
Часть первая	5
Прочь...	6
Глава первая	10
Глава вторая	12
Глава третья	14
Глава четвертая	16
Глава пятая	20
Глава шестая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Кэтрин Ласки

Одиночка

*А на нашем волчьем языке слово «хуул» означает просто «сова».
Видишь ли, мой друг, когда я вел своих сородичей из нашей скованной
льдом страны, я следовал за духом Хуула.
Из первой книги легенд о Га'Хуэле*

Часть первая Далеко-Далеко

Прочь...

На поиски дальнего логова волчица отправилась еще до того, как почувствовала внутри себя первые слабые толчки. Ей почему-то казалось, что эти ее роды будут иными, не такими, как предыдущие. Она странствовала уже несколько дней и чуяла, что срок подходит, но до сих пор ничего похожего на логово ей так и не встретилось, за исключением нескольких неглубоких ям. Вот только они не годились: убежище из них никакое, особенно в коварную весеннюю погоду, готовую измениться в мгновение ока, а на открытом воздухе волчата запросто замерзнут. Стук их сердец, неистовый и громкий, будет становиться все глуше, пока полностью не замрет и не обернется тишиной под тонкой корочкой льда. С волчицей такое уже случалось: тех трех своих волчат она вылизывала, пока язык совсем не пересох и от острых лыдинок на нем не выступила кровь. Но попытка победить лед оказалась бесполезной затеей.

Третий ее выводок. На этот раз ей нужно как можно дальше уйти от стаи, от клана, от своего супруга и – что важнее всего – как можно дальше от обеи.

В пятую ночь растущей луны, висевшей низко над горизонтом и походившей на обломок льдины, волчица наконец-то нашла расщелину под выступом скалы. Учужа она ее раньше, чем увидела: в воздухе вокруг витал ясно различимый лисий запах. Волчица надеялась, что это просто нора, а не убежище, где укрываются детеныши. «Лиса, пусть там будет только лиса, дорогой Люпус», – вознесла она безмолвную молитву. Ей не хотелось обрекать на гибель ни в чем не повинных лисят.

В расщелине действительно оказалась только лиса, хотя и тоже готовившаяся к родам. Волчица выгнала ее и заняла логово, попытавшись устроиться поудобнее. Сделать это было довольно сложно – все вокруг пропахло лисой. Что ж, тем лучше: можно замаскировать свой собственный запах.

Вывалившись в лежавшем неподалеку помете, она представила, что бы подумали ее волчата о своей матери, и недовольно фыркнула. Впрочем, это неважно; главное, что они останутся в живых – и если повезет, то подальше от клана.

И вот они появились на свет – три щенка: двое рыжевато-бурые, как их отец, а один – серебристо-серый. Матери они показались настоящими маленькими совершенствами, поэтому она не сразу заметила небольшой изъян у серебристого волчонка: его передняя лапка была слегка вывернута наружу. Внимательней всмотревшись, волчица обнаружила на подушечке этой лапки едва заметную спиральную отметину, напоминавшую искривленную звезду. Все вместе выглядело довольно странно, но на уродство вряд ли походило, и волчица убеждала себя, что лапка серебристого – всего лишь маленький недостаток. Нет, ее щенок не малькад – так волки издревле называли тех, кто проклят с рождения; он просто получил незначительную родовую травму, которая наверняка через некоторое время пройдет: вывернутая лапка выпрямится, а отметина сгладится настолько, что даже в мягкой грязи не будет оставлять отпечатка.

В остальном же серебристый был очень сильным – это чувствовалось по тому, как он сосал молоко. Однако волчица все-таки радовалась, что проявила осторожность и решила рожать как можно дальше от стаи.

Она перенесла волчат, одного за другим, в самый дальний уголок расщелины; к счастью, в глубине обнаружилось несколько туннелей, ведущих в огромную нору. Там, в крошечной темноте, волчица намеревалась провести как можно больше времени, хотя бы несколько дней, свернувшись клубком вокруг щенят и кормя их молоком. Она знала, что любопытство в волчатах проснется очень быстро: когда откроются их глаза, бледный свет у входа в расщелину окажется для них настолько же заманчив, насколько сейчас заманчивы ее набухшие от молока соски; а позже станет манить и запах мяса. Впрочем, если соблюдать осторожность, здесь

можно прятаться довольно долго. Серебристый волчонок будет расти и становиться сильнее, угроза со стороны обеи постепенно исчезнет, а ветер, снег и дождь смоют все старые запахи.

Надеяться на это волчице оставалось лишь несколько часов.

* * *

Любому другому волку эта местность показалась бы лишенной всяких следов, но Шибаан, обея клана МакДункана, учуяла запах Мораг.

Законы волчьих кланов суровы. Обеями называли волчиц, которые должны были находить уродливых щенков и забирать их из логова. Эту обязанность выполняли только бесплодные волчицы считалось, что у них не развит материнский инстинкт. Не имея собственного потомства, обеи заботились исключительно о благополучии клана, здоровье и силу которого можно было сохранить, только вовремя избавляясь от уродливых щенков.

Правила на этот счет отличались предельной точностью. Обея должна была забрать уродливого или больного волчонка и унести его как можно дальше, где он умирал от голода или его съедали другие животные. Если волчонку каким-то образом удавалось выжить, то ему позволяли вернуться в клан и занять самое низшее положение – глодателя. Мать малькада принимать обратно запрещалось: сородичи обязаны были избавляться от «испорченной крови» – от нее и ее супруга. Если они не погибали, то могли по отдельности примкнуть к другим кланам: лежащее на них проклятие болезни можно было снять, лишь найдя себе новых родных.

Шибаан научилась чувствовать неладное уже тогда, когда какая-нибудь из волчиц, собирающихся стать матерью, уходила «прочь», что обычно означало «подальше от клана». Вот и сейчас, будучи опытной обеей, она не позволила бесхитростным уловкам Мораг сбить себя с толку. Но все-таки этой волчице следовало отдать должное: она пыталась тщательно запутать свои следы. Мораг мочилась только в ручьях или на свободных от льда участках реки и не метила территорию. Обычный волк никогда не заметил бы ничего такого, что выдавало бы присутствие матери, пытающейся скрыться от преследователей.

Но Шибаан не была обычным волком, как не была и обычной обеей. Она хорошо умела находить даже самые непримечательные знаки. Вот клочок серебристого меха, зацепившийся за колючки чертополоха. Вот царапинки на камне, по которому Мораг переходила ручей. А вот и донесшийся издали слабый запах-сообщение – но не от самой Мораг, а от кого-то другого, чужого. Для Шибаан он был все равно что знак, ясно говоривший: «Моя территория. Первый лейтенант клана МакДермота», предупреждение незнакомцу, подошедшему слишком близко к владениям чужого клана. «Значит, Мораг решила пересечь границу МакДермотов. Смело с ее стороны!» – подумала Шибаан.

Тут был еще и запах лисы... но не только. «Как бы они ни старались, я всегда их нахожу», – устало мотнула головой обея.

Конечно, и на этот раз поиски увенчались успехом. В куче недалеко от расщелины обнаружили даже клочки серебристого меха, а это означало, что волчица прячется внутри, измазанная лисьим пометом, но не способная избавиться от сладкого запаха новорожденных щенков и аромата теплого молока.

Никакой борьбы, никаких возражений. Матери малькадов никогда не сопротивлялись. Они прекрасно знали, чем грозила такая попытка немедленной смертью всех их волчат.

* * *

Мораг следила, как обея уносит криволапного детеныша, ухватив его зубами за загривок, пока они не превратились в темную точку на горизонте. Все-таки как же идеально Шибаан подходила для этих обязанностей! Кажется, годами безропотно выполняя свой долг, она посте-

пенно лишилась всяческих чувств и даже воображения. Заглянув в зеленые глаза обеи, Мораг не увидела в них ни света, ни глубины, ни малейшего намека на какие бы то ни было эмоции – словно сухие камешки, выцветшие под солнцем.

Серебристый щенок спокойно, ни разу не заскулив, дал себя взять, даже инстинктивно свернулся клубочком, чтобы его было удобнее переносить. Неужели он не учуял, что запах обеи отличается от запаха матери? Неужели по сухому воздуху, окружающему Шибан, он не догадался, что у этой волчицы нет и капли молока? До сих пор он постоянно сосал – хотя с момента его рождения прошло не более дня, и о постоянстве в данном случае говорить было трудно. У него еще даже не раскрылись глаза и уши. Свою мать, Кормилицу, он ощущал только по запаху да еще, возможно, по прикосновениям ее густого меха и глухим ударам сердца. Запомнит ли он ее? Хотя какое это теперь имеет значение...

Надвигалось самое худшее – сезонный шторм. Обычно такие бури, с яростными, жестокими ветрами, ледяными дождями и градом, случались в начале весны или уже на границе лета. Мораг почувствовала приближение шторма: свинцовое небо опускалось все ниже и ниже, словно захлопывалась крышка огромной ловушки. Ее серебристого волчонка бросят одного прямо в разгар ужасной бури, а сама она с двумя щенками останется ждать возвращения обеи, которая должна будет отвести Мораг обратно в клан. Одного детеныша понесет Мораг, другого – Шибан; и так они будут идти дорогой позора. После провозглашения вести о рождении малькада Мораг тут же выгонят из клана, и она станет изгоем, а ее детенышей будет воспитывать другая волчица.

* * *

Пусть воображение у обеи и отсутствовало, но мысли ее голову посещали. Практические мысли. Куда бы отнести щенка, чтобы у него не осталось ни малейших шансов на выживание? Замеченная на подушечке вывернутой лапки искривленная звездочка обеспокоила Шибан. Она даже не знала почему; ей просто не нравилась эта отметина.

Зато Шибан прекрасно знала, в чем заключались ее обязанности: заботиться о благе клана. По этому поводу обея не испытывала ни малейших сомнений. Когда-то давно, догадавшись о своем бесплодии, она пережила чувство, похожее на боль от впивающейся в лапы острой гальки. Шибан постоянно думала о том, что никогда не станет матерью, что ей суждена лишь роль волчицы без ранга, исполняющей неприятную работу. Правда, со своими обязанностями она справлялась хорошо, и с годами ей даже удалось заслужить уважение вождя клана. Некогда раздражавшая мысль стала чем-то привычным, словно острая галька превратилась в гладкие, отполированные речные камешки. Постоянное неприятное воспоминание теперь было просто особенностью ее характера, частью ее обязанностей, ее долга обеи.

Не выпуская изо рта щенка, Шибан вновь бросила взгляд на странную отметину у него на лапке, и у нее вдруг тревожно заколотилось сердце. Можно было бы тут же убить волчонка, но обея была весьма суеверной. Столь легкий выход из положения законом запрещался, а она очень хотела в надлежащее время подняться по тропе духов к Пещере Душ и повстречаться там с Великим Волком Люпусом.

Впереди Шибан увидела речную гладь, отражавшую нависшую над ней серое небо. Туда она и решила отнести щенка. Наступала весна, лед начинал таять, и вода в реке постепенно прибывала. В бурном водовороте волчонок был обречен на гибель. Она оставит его у самого края льда, где его накроет волнами.

Обея подошла к тому месту, где вода уже немного подмыла берег и были заметны признаки грядущего таяния. Она опустила волчонка на выступающую кромку льдины – тут он несомненно утонет, тем более что близится буря.

Тщательно выбирая место, Шибаан нисколько не тревожилась за будущее щенка. Для нее он был не щенком, и даже не живым существом, а просто вещью – извивающейся, хныкающей и тихонько поскуливающей. Для него все скоро закончится. Если бурей щенка и не уничтожит, то дело завершат совы: реку в этом месте пересекал обычный маршрут угленосов, прилетавших сюда в поисках выброшенных из жерл угольков. Ну что ж, серебристый малькад – не первый, кого заберут подданные королевства Га'Хуул.

Да и многие совы-кузнецы устраивали временные кузни прямо у самих вулканов. А кузнечное дело – занятие не из легких, так что им нужно было хорошо питаться. К тому же, несмотря на тесные связи между совами и волками, малькады считались честной добычей.

Тут до слуха обеи донеслось легкое шебуршение и царапание – это волчонок попытался своими крошечными лапками ухватиться за скользкий лед. Хныканье и скулеж превратились в настоящие рыдания, но их Шибаан уже не слышала. В этом отношении уши ее были так же закрыты, как и уши щенка. Ничто внутри волчицы не зашевелилось, не дрогнуло. Если она что и ощущала, так только холодную каменную тяжесть, давно ставшую для нее синонимом обязанности и долга.

«Я – обея. Это все, что мне нужно знать, и все, кем я должна быть. Я – обея».

Глава первая

Рев реки

Он ничего не видел, ничего не слышал и тщетно высовывал язык в поисках пищи: запах молока куда-то исчез, а с ним и тепло матери. Теперь он ощущал только холод, и ничего больше. Холод заполнял все крошечное тельце волчонка, пока его не начала сотрясать яростная дрожь.

Почему все так быстро изменилось? Куда подевались теплое молоко, мягкий мех и прижимавшиеся к нему другие существа? За свою короткую жизнь он мало что успел понять, а теперь понимал еще меньше. Окружающий мир пока воспринимался лишь с помощью вкусов и запахов, но сейчас они ему совсем ничего не говорили. Щенок оказался в какой-то странной пустоте, не похожей ни на жизнь, ни на смерть, – одно пугающее ничто. А с этой пустотой навалилось и оцепенение.

Потом внизу что-то дернулось, и в едва теплящейся жизни малыша появилось новое ощущение. Плеск и грохот ломающегося льда были настолько громкими, что проникли даже сквозь закрытые уши: в голове у него внезапно раздался оглушающий рев. В следующее мгновение льдина под волчонком накренилась, и он заскользил к бурлящей воде, но ему все-таки удалось зацепиться за гладкую поверхность крохотными острыми коготками.

Стороннему наблюдателю это могло бы показаться жестокой насмешкой судьбы – всеми покинутый щенок обрел слух и зрение как раз в тот миг, когда река сбросила с себя ледяные оковы. Скорее всего, именно чрезвычайное потрясение заставило его открыть глаза и напрячь уши.

Повсюду трескался тающий лед, и из-под него на поверхность вырывались бешеные потоки воды, с корнями выворачивая растущие вдоль берега деревья, подхватывая лежащие камни и отламывая целые выступы прибрежных скал. Льдина, на которую obie положила волчонка, тоже покрылась трещинами, затем с сухим оглушительным хрустом раскололась и устремилась вслед за остальными льдинами. В глазах малыша заплясали ослепительные блики – путь ледоходу ярко освещала луна.

Где-то глубоко в памяти волчонка всплыли воспоминания о другом событии, взволновавшем его ничуть не менее этого. Рождение. Какие-то силы, совершенно не сравнимые с ним по мощи, вытолкнули его тогда из теплого уютного чрева матери. Неумолимым в своем напряжении схваткам слабенькое тельце щенка ничего не могло противопоставить.

И вот теперь с ним снова происходит нечто подобное. Только вместо того чтобы покидать теплое и спокойное чрево матери, он соскальзывает в холодные воды бурной реки. Волчонок отчаянно цеплялся за лед кривой лапкой, которая казалась более сильной по сравнению с другими. Льдина неслась вниз по течению вместе с другими обломками, и перед ним стояла единственная задача – удержаться на ней.

Наверное, было бы проще, если бы он ослабил хватку, погрузился в воду и утонул. По крайней мере, это не так болезненно. Но у волчонка остался только инстинкт, а инстинкт требовал бороться за жизнь.

Шире раскрыв глаза, он увидел отраженный водой свет полной луны – такой яркий, что малыш тут же сощурился. Так он усвоил первый урок: можно приспособливать свое зрение к свету.

Вслед за этим возникла и первая мысль: а что еще можно делать? Может, удастся вернуть былое тепло? Вернуть запах молока, его вкус? Вновь оказаться среди таких же, как он, копошащихся существ, протискивающихся ближе к источнику молока? Ощутить спокойное и ритмичное постукивание, когда прижимаешься вплотную к теплой груди? Это постукивание скрывалось глубоко внутри Кормилицы, под ее густым мехом.

Холодная волна захлестнула щенка с головой, но он пока держался. Временами льдина останавливалась и принималась вращаться на одном месте. Свет при этом тоже вращался, и волчонок чувствовал тошноту и головокружение. Чтобы успокоиться и не разжать коготки, он плотно зажмурился. Потом следовал толчок, и скользкий его плот продолжал свой путь.

Льдина все уменьшалась в размерах. Задние лапки щенка свисали над кромкой и немели от холодной воды. Все его тело охватывало оцепенение. Это было даже немного приятное ощущение, но откуда-то из глубины навстречу ему поднималось другое чувство, требовавшее не сдаваться. Впрочем, с каждым мгновением оно становилось все менее и менее отчетливым. Лапы постепенно соскальзывали со льда.

Последнее, что волчонок ощутил, – сильный глухой толчок; последнее, что услышал, – скрежещущий звук, который издали его коготки, процарапавшие остатки льдины.

Глава вторая

Искорка из реки

В эту беспокойную ночь рев реки и завывание ветра пересиливал только один звук – отчаянные вопли сидевшей на берегу матери-медведицы. Она словно захлебывалась воздухом, с подвыванием втягивая его в себя. Длинная спутанная шерсть у нее на загривке сваялась, покрылась льдом и превратилась в сосульки, которые дрожали и тихо позванивали, словно сопровождая ее скорбным причитанием.

Когда вода угрожающе подступила к самой берлоге, медведица отвернулась лишь на несколько мгновений, чтобы присмотреть место повыше. За эти мгновения кугуары успели выскользнуть из темноты, стремительно схватить ее детеныша и умчаться прочь – с единственным родившимся у нее в этот раз медвежонком! Целые лето и осень она усердно питалась, набирала жир, и ради чего? Чтобы потерять единственного детеныша, который наверняка был у нее последним?

У медведицы еще не пропало молоко, но она уже подготовилась к смерти, ожидая подъема воды. Так сильно она не горевала с тех пор, как пять лет назад во время спаривания самец гризли прямо у нее на глазах убил одного из ее медвежат. Нет, она никуда не уйдет от берлоги, где родила и выкармливала сына. Обратив взор к луне, смотревшей вниз, словно мертвое око, она умоляла Великого Урсуса: «Прошу, заberi меня!»

* * *

Медведица-гризли потеряла всякое представление о времени, а между тем ночь становилась все темнее и темнее и луна все ниже спускалась по западной стороне неба. Ближе к рассвету буря утихла, оставив на горизонте темные тучи, похожие на потухшие угли. Река достигла наивысшего подъема, но ледоходом медведицу не унесло.

Вдруг к ее задней лапе, до половины погруженной в воду, пристал какой-то темный комок. Медведица машинально потрясла ногой, пытаясь стряхнуть то, что показалось ей приплывшим с рекой мусором. Но от этого комок еще сильнее вцепился в шерсть. С досады медведица перешла повыше, чтобы лапой смахнуть навязчивую колючку.

Позже она удивленно задумывалась над тем, почему сразу не избавилась от странного темного комочка и не бросила его обратно в воду. Он не подавал никаких признаков жизни и больше всего походил на куст ежевики, запутавшийся среди плывших по течению ветвей и обломков. Обычный речной мусор, ничего более.

Но все же медведица ощутила какое-то странное чувство.

Ей показалось, что внутри этого комка теплится живая искорка. Она видела, как искорки падают с неба, как они вылетают, когда между собой сталкиваются булжники, но ей даже в голову не приходило, что они могут быть и в воде. А теперь перед ней – искорка из холодной реки, непогасшая, живая, затаившая в себе яркий свет.

Медведица наклонилась и осторожно подобрала мокрый комок передними лапами. Он не пошевелился и показался ей бездыханным. Но все-таки это был не мусор, а чей-то детеныш, и когда он открыл глаза, медведица ясно разглядела ту самую искорку, о существовании которой до сих пор лишь подозревала.

Над горизонтом всходило солнце, и его первые лучи отразились в зрачках малыша. И тут медведица с изумлением увидела в них свое собственное отражение. Ее отражение в глазах детеныша, который родился не от нее и даже не от ее сородичей!

«Это волк, – догадалась она. – Я хочу умереть, а он хочет жить».

Она устремила взгляд туда, где располагалось созвездие Великого Медведя. К этому времени звезды уже скрылись в солнечном свете, но медведица была уверена, что волчонок – послание от Урсуса, недовольного ее недостойным решением.

Значит, ее время еще не пришло, и ей не следует искать смерти. А бедный щенок вовсе не случайно вцепился в ее ногу: он – дар ей от реки.

Фаолан, – прошептала она. Я назову тебя Фаоланом.

Слово «фао» значило и «река», и «волк». А «лан» издревле переводилось как «подарок».

Ты мой речной подарок, пробормотала медведица и прижала волчонка к груди.

* * *

Неужели это Кормилица? Щенок почуял среди густой шерсти запах молока и инстинктивно потянулся носом к его источнику. Но чем ближе он подбирался, тем сильнее его охватывало смущение. Запах казался немного другим, вкус тоже отличался от прежнего. Да и звук, доносившийся из глубины, из-под шерсти, тоже был новым и необычным: на смену реву реки пришли глухое ритмичное биение и булькающее клокотание. Когда медведица прижала Фаолана к себе, чтобы он пососал молока, волчонок испугался нахлынувших на него запахов, вкусов и звуков.

Но все же он чувствовал себя в безопасности. Это была другая Кормилица: громадная, во много раз больше, чем прежняя, и до него доносились биения ее огромного сердца и урчание ее живота. Но постепенно он привык к этим звукам. Они смешались с всплесками волн и его собственным тихим причмокиванием.

Он все сосал и сосал. Весь мир для него сейчас превратился в молоко густое, сытное молоко. Он закрыл глаза и заснул, не выпуская сосок изо рта.

* * *

Медведица смотрела на Фаолана, и из ее глаз выкатывались огромные слезы. «Река принесла тебя ко мне. На это должна быть причина. Я выкормлю тебя, я буду заботиться о тебе с утра до вечера, днем и ночью. Искорка вырастет в пламя, а пламя обернется костром».

Она тихонько подула на волчонка. Под теплым дыханием веки его затрепетали, но он еще глубже погрузился в спокойный сон.

Глава третья

Молоко и свет

Вполне может быть, что этого щенка ей действительно послал Великий Урсус, и медведица твердо решила во что бы то ни стало выкормить его. Но как заботиться о нем помимо выкармливания? Об этом она не имела ни малейшего представления.

Волчонок оказался довольно прожорливым созданием и очень сильно отличался от медвежонка. Он пах по-другому. Он сосал по-другому. И хотя сначала Фаолан и казался немного больше, чем ее собственный детеныш, рос он и накапливал жир не так быстро: к этому времени медвежонок уже вымахал бы раза в два. Волчонок, конечно, тоже немного подрос, но, по ее мнению, этого было недостаточно. И он постоянно сосал молоко. Медведица с беспокойством думала о том, что, может быть, ее молоко для него не подходит или что она неправильно с ним обращается. В конце концов, что она знала о воспитании волчат? Если это и вправду было послание от Урсуса, то пусть он даст ей еще знаки. Знаки, которые покажут, что нужно делать.

Каждый день медведица повторяла себе, что этот детеныш – подарок. Но ей хотелось, чтобы он был не только подарком. Интересно, а он сам-то понимает, что она немного другая? И вообще, что творится в голове у такого медвежонка? Тут она с изумлением осознала, что только что в мыслях назвала его медвежонком. А потом подумала, что пусть он и волчонок, но все равно они, наверное, похожи. «Медвежата, волчата. Всем им сейчас нужно только одно – молоко. И Фаолан ничем от них не отличается».

Щенок на время перестал сосать, и она воспользовалась этим моментом, чтобы взять его на лапы и поднести поближе к морде. Они посмотрели друг на друга. Его глаза уже начали приобретать тот чудесный зеленоватый оттенок, который свойствен волкам, обитающим в стране Далеко-Далеко. А ее глаза были насыщенного, слегка мерцающего коричневого цвета, и такие яркие, что волчонок мог увидеть в них свое отражение.

– Какой же ты милый и смешной!

Медведица высунула язык и пощекотала им влажный нос волчонка. Тот восторженно затыкался.

– Так тебе это нравится! – Она еще раз дотронулась языком до его носа, и Фаолан даже завизжал от удовольствия.

Стоило опустить его на землю, и щенок сразу же перевернулся на спину, ожидая вытянув вверх лапки. «Наверное, так он просит, чтобы его пощекотали», – подумала медведица и заговорила с ним, смешивая слова с ворчанием и пыхтением. Неизвестно, понимал ли он ее, но это было не важно.

– О Великий Урсус, ты хочешь, чтобы я тебя пощекотала, смешной ты детеныш!

Речь волков, медведей и сов не слишком сильно отличается, но тон, с которым произносятся слова, мельчайшие движения головы или глаз – все это создает особый дополнительный язык, непривычный для чужаков, а иногда и вовсе непонятный им.

Фаолан лежал на спине, ждал, когда огромный язык пощекочет его брюшко, и медведица не смогла отказать. Щенок тут же ликуя вскочил на лапы. Так повторилось несколько раз. Затем он отбежал на некоторое расстояние, хитро оглянулся и бросился прямо в объятия медведицы. От удивления и неожиданности она сама завалилась на спину, а Фаолан забрался на покрытую густой шерстью грудь и начал облизывать сначала подбородок, а затем нос медведицы.

Внутри нее все клокотало от восторга. Чем сильнее она пыхтела, тем оживленнее волчонок облизывал ей нос. На ее глазах выступили слезы. Несколько дней подряд этот детеныш только и делал, что сосал молоко, и ни разу даже не взглянул на нее. Но сейчас, стоило ему

на миг оставить это свое занятие, а ей – подшутить над ним, как он тотчас же отозвался. Он понял, что с ним играют.

Медведица снова нежно взяла его на лапы, вытянула перед собой, так что их глаза оказались на одном уровне. Щенок немного поерзал и затыкал, прося молока. Она опять прижала его к себе, и он тут же вцепился в сосок.

Но на этот раз все было по-другому: малыш глядел на нее широко открытыми глазами. Теперь между ними словно бы существовала прочная связь. Фаолан посасывал молоко, а медведица никак не могла досыта насмотреться на его сияющие зеленоватым светом глаза. Всю ее охватило чувство всепоглощающей любви.

Глава четвертая

Гром-Сердце

Из них вышла забавная пара – громадная неуклюжая медведица-гризли с отливающими на солнце серебристыми пятнами на бурой шкуре и маленький щенок, весь светло-серый, нетерпеливо прыгающий то впереди нее, то по сторонам, а то и позади. Сейчас они искали весенние луковицы, только что пустившие едва показавшиеся из-под земли ростки. Медведица ворчала, а щенок отзывался твяканьем или отрывистым лаем, но при этом им как-то удавалось понимать друг друга. Фаолан даже научился мотать головой, точь-в-точь как медвежонок, который хочет сказать «нет».

Медведица все больше и больше убеждалась, что воспитание волчонка не так уж сильно отличается от воспитания собственных детенышей, а временами сходство Фаолана с медвежатами просто поражало ее. Однако, каждый раз сравнивая, она все же беспокоилась: какой он маленький и незащитный! Но при этом очень, очень быстрый, гораздо быстрее любого медвежонка. Кажется, будто он летит над землей. Медведице пришло в голову, что, проигрывая в размерах, волчонок должен выигрывать в скорости. Единственной проблемой оставалась кривая лапка, которую Фаолан старался нагружать как можно меньше. Но ведь волку, как и медведю, нужно уметь одинаково хорошо пользоваться всеми четырьмя лапами.

Фаолан отстал и захныкал. «Я устал», – говорило его нытье. Медведица повернулась и строго посмотрела на него. Волчонок еще раз коротко проскулил и уселся посреди пышной мягкой травы, мотая головой и тихо рыча. «Нет, нет!» – пробормотал он и шумно выдохнул горячий воздух через ноздри, словно говоря: «Слишком жарко!»

Наконец он медленно, еле переставляя ноги, подошел к медведице и уткнулся ей в бок, словно прося взять его на спину. На загривке гризли возвышался толстый слой мышц, и Фаолану очень нравилось забираться туда и восседать верхом. В таком возрасте медвежата обычно бывали уже слишком большими для подобных трюков, но волчонок, конечно, все еще заметно уступал им в росте. Даже в берлоге, когда Фаолан не сосал молоко, он любил улечься на этот горб, свернуться калачиком и дремать.

Воспитав три выводка, медведица-гризли прекрасно понимала все возможные жалобы и уловки детенышей. И неважно, что сейчас перед ней не медвежонок, а волчонок. Когда малыши устают, они начинают капризничать, просят вернуться обратно в пещеру и дать им молока – легкий способ подкрепиться. Но однажды молоко у нее закончится, и щенку придется самому добывать себе пищу. Для Фаолана это особенно важно, он ведь такой маленький. «Но действительно ли он так уж мал для своего возраста? Может быть, все волчата именно такого роста?» – думала медведица, но эти мысли не уменьшали ее беспокойства.

Удивительно, что она так привязалась к малышу. Теперь ей казалось, что искорка, которую она разглядела во время их первой встречи, когда он вцепился в ее лапу, освещала все его крохотное тело. Волчонок быстро двигался, отличался сообразительностью и потрясающим своеволием, так что огонь, разгоревшийся от искры, даже приходилось иногда умирять. Откуда в этом крохотном существе такая неукротимость?

Медведица тяжело протопала к Фаолану и прикоснулась к нему широким носом. Он упал на спину, шутливо взвизгнув, как будто от боли.

– Вставай, – прорычала она.

– Нет, нет!

«Нет» и «еще молока» определенно были любимыми словами Фаолана. Звучали они немного иначе, чем если бы их произносили ее детеныши, да и голос у волчонка был тоньше, не такой глубокий. Медведица подумала, что это из-за грудной клетки, которая меньше, чем у медвежат. И вообще он такой худой, такой слабый. И рычит он не так низко, как медвежата.

Правда, речь свою сопровождает жестами, очень знакомыми ей по повадкам собственных детенышей. Но все ли волчата именно так закидывают назад голову?

О волках она мало что знала и почти совсем не имела представления об их поведении. Однажды, скрывшись за огромным валуном, она наблюдала за стаей, разрывающей останки оленя. Все движения волков отличались четкостью и удивительной упорядоченностью. Сначала мясо ели одни члены стаи, затем подошли другие, словно спрашивая разрешения принять участие в трапезе. Интересно, как бы они поступили с таким скулящим и капризным волчонок, как Фаолан?

Вот и сейчас он снова шлепнулся на спину и отчаянно замолотил кривой лапкой по воздуху. Ему хотелось вернуться в пещеру, в ее уют и прохладный сумрак, ощутить спокойствие окружающей его со всех сторон земли; ему хотелось вновь ощутить знакомый запах реки и полежать на мягком мху полянки, где он любил дремать по утрам. Но больше всего ему хотелось свернуться калачиком на груди медведицы и сосать молоко. Даже сейчас, при одной только мысли об этом, в животе у него забурчало. Луковицы просто отвратительны на вкус. В них нет никакого сока. И они слишком жесткие для его зубов.

От своих мыслей Фаолан опять заскулил – на этот раз громко.

– Урскадамус! – прорычала медведица древнее медвежье ругательство, означавшее «проклятье бешеного медведя», и несколько раз резко фыркнула, выражая свое негодование. Так обычно поступают с детенышами, которые только начали капризничать.

Но Фаолан продолжал хныкать и валяться на спине, размахивая кривой лапкой.

«Так, довольно! Хватит потакать его слабостям», – подумала медведица, вдруг сообразив, что щенку нужно научиться превращать свои слабости в преимущества. Урок будет жестоким, но ему предстоит жить в еще более жестоком мире.

Она впервые злобно зарычала на него и резко ударила Фаолана по передней лапке. На этот раз он заскулил не от поддельной боли, а в зеленых глазах заплескалось изумление: «Как? Как ты могла?»

У медведей-гризли нет слов на каждый случай, и они не умеют объяснять детенышам все недостатки их поведения. Иногда лучше показать все на примере, а слова подберутся потом. Поэтому медведица прошла мимо Фаолана и в поисках луковиц принялась рыть землю передней лапой – той, которой редко пользовалась для подобных случаев. Этим она как бы говорила: «Используй кривую лапку! Научись рыть именно ею!»

Смиренно потупившись, волчонок принялся повторять за ней все движения. Он долго рыл землю, но под конец все же нашел луковицу.

Медведицу охватила гордость. Она подошла к Фаолану издала низкий рокошующий звук и нежно облизала его мордочку огромным языком. Потом повернулась и продолжила рыть землю. Фаолан посмотрел на нее разочарованно. «Опять?» подумал он, но все же прилежно продолжил скрести землю кривой лапкой. Ему не хотелось снова вызывать ее гнев. Хуже затрецины была только угроза не давать ему больше молока.

«А что останется мне кроме молока? Одни луковицы? Ужас!»

И он принялся копать с удвоенной силой.

* * *

Волчонок прекрасно усвоил урок. Медведица искоса следила за ним и заметила, что за очень короткое время он приспособился как-то по-особенному подворачивать кривую лапку и теперь мог пользоваться ею почти так же ловко, как и остальными.

Фаолан не только учился на удивление быстро, но и проявлял при этом завидную изобретательность. Но все же медведицу не покидало беспокойство, что она слишком мало знает о волчьих повадках. Ведь медведи старались держаться особняком, в отличие от сов, которые

заклучили с волками нечто вроде тайного союза еще в пору, когда те только появились в стране Далеко-Далеко. Иногда медведице казалось, что будь она совой, то Фаолану досталась бы более заботливая мать. Но, конечно, глупо было тратить время на пустые мысли и сожаления о том, чего в любом случае не могло быть.

Вместо этого она упорно пыталась вспомнить все, что знала о волках. Однажды с высокого утеса она наблюдала, как вместе охотились две волчьи стаи. Сразу было понятно, что поведение волков сильно отличается от охотничьих повадок медведей – те гораздо крупнее и сильнее, а волки недостаток физической силы компенсируют сообразительностью. И медведи никогда не сбиваются в стаи. Наверное, поэтому они и думают по-другому. Вот оттого-то волки и кажутся им такими сложными и загадочными.

«А еще совы! Совы такие умные!» – продолжила размышления медведица. Они умеют делать оружие и инструменты. В огненных кузнях они мастерят железные когти, которые прикрепляют к своим собственным. Ей вдруг подумалось, что медведи не такие умные, как раз потому что крупнее, больше волков и гораздо больше сов. А потом в голову ей пришла самая тревожная мысль: «Наверное, я слишком глупа, чтобы воспитывать волчонка!»

Они возвращались в пещеру, и медведица обернулась, чтобы посмотреть на несчастного детеныша. Он совершенно выбился из сил и едва переставлял ноги, шатаясь из стороны в сторону и то и дело сходя с узкой тропы. Наверное, сейчас ему будет трудно даже цепляться за ее загибок. «Ну что ж, – подумала медведица. – Пусть я и глупая, но какая уж есть. Кроме меня, у него совсем никого нет». Она повернулась и взяла малыша так, как обычно носила медвежат, проживших на свете всего одну луну: голова его была зажата у нее в пасти, а тело болталось. С того момента, как медведица нашла Фаолана, прошло не менее двух лун, но он все еще был настолько маленьким, что такой способ переноски не представлял никаких сложностей.

Завтра им предстоит еще более долгий путь – к беличьим запасам коры. Кора белой сосны, которой белки устилают свои гнезда, – один из самых питательных продуктов, какие только можно отыскать весной, когда медведям чаще всего приходится есть траву, корни, орехи. Впрочем, если повезет, они найдут и саму белку, хотя мясо обычно появляется позже. Но ведь всегда есть надежда наткнуться на труп животного, не пережившего зиму. Даже сейчас, по дороге в берлогу, медведица постоянно вертела головой и прихлебывалась, пытаясь различить характерный запах гниющей плоти.

* * *

На весну и на лето медведица нашла новую берлогу самую уютную из тех, в каких ей доводилось жить. Берлога эта располагалась в ольховой рощице близ реки, у переката, в котором скоро запрыгает форель. Прямо у входа кивали головками желтые лилии, а крутой спуск к реке был сплошь усеян синими ирисами.

К тому времени, когда они добрались до нового места жительства, Фаолан уже спал. Впрочем, сон никогда не мешал ему сосать молоко. Так что медведица уселась, вытянув задние лапы, и, пока малыш подкреплялся, наблюдала за закатом, окутывавшим все вокруг мягким лиловым светом. Зеркальная поверхность реки отражала кудрявые облачка. Погода сегодня была совсем не та, что во время бури, когда нашелся Фаолан.

Медведица перевела взгляд на насытившегося щенка. С каждым днем он удивлял ее все больше. Кривая лапка не самое странное в нем по сравнению с едва заметной отметиной на подушечке. Тусклые рукава спирали чуть просматриваются, но обладают каким-то гипнотическим воздействием. Что означают эти линии? Откуда взялся Фаолан? Почему река принесла его именно к ней? Есть ли у него родственники? Волки обычно держатся стаями, а медведи – одиночки. Сможет ли она заменить ему не только мать, но и целую стаю?

– Урскадамус! – тихо пробормотала медведица.

И таких нерешенных вопросов у нее оставалось еще слишком много. Она знала, что волки не умеют сидеть, как медведи. Наверное, они и молоком своих детенышей иначе кормят; наверное, они при этом лежат. Но она боялась, что, лежа, неловко повернется и ненароком задавит Фаолана. Он такой маленький, а она такая огромная!

А еще волки не умеют вставать на задние лапы, и это особенно неудобно. Стоя во весь рост, она многое видела, оценивая окружающую обстановку. Жалко, что Фаолан так не умеет. Можно ли вообще научить волка стоять на задних лапах и хоть немного передвигаться в таком положении? Надо будет попробовать.

Медведица еще раз посмотрела на волчонка и нежно обняла его, ткнув носом. Она очень любила его. Странно, конечно. Другие медведи наверняка отнесутся к ней с подозрением. Но ее совершенно не заботило их мнение.

* * *

Фаолан немного поерзал и еще сильнее погрузился в спокойный, сытый сон. Он привык к звукам, которые издавало большое тело медведицы – ворчание переваривающего пищу живота, шумные вдохи и выдохи, – но громче всего стучало ее величественное сердце. Его ритмичное биение стало для него колыбельной песней, навевавшей сладкие сны. Про себя он уже называл медведицу не Кормилица, а Гром-Сердце.

Глава пятая

Первые уроки

При первых проблесках зари Гром-Сердце бесцеремонно выпустила Фаолана из объятий и бережно, но уверенно ткнула носом в его мордочку:

– Смотри за мной!

Она вышла из берлоги, и волчонок последовал за ней к большому камню на берегу реки, наполовину скрывшемуся в воде. Ему предстоял урок рыбалки – в это время года в водовороте у валуна уже начинала тесниться форель. Ее было довольно много, целые косяки, но рыбалка всегда требует терпения, а Гром-Сердце хорошо понимала, что как раз терпения ни волчатам, ни медвежатам никогда не хватает особенно Фаолану, но он осваивал новое очень быстро, и она надеялась, что волчонок уже готов к тому, чтобы научиться ловить рыбу. Ему просто необходимо было хоть немного потолстеть: худые бока, вид и малый, по мнению Гром-Сердца, рост щенка все время сильно ее беспокоили.

Конечно, ловить рыбу гораздо легче осенью, когда вверх по течению идет лосось. Тогда достаточно просто стоять у порога и подхватывать выпрыгивающих из воды рыб, сходящих с ума в стремлении добраться до нерестилища и превращающихся от этого в легкую добычу. Иное дело форель – в это время года она не испытывает желания размножаться и уж точно ничто не толкает ее вверх по течению. Но все же Фаолан должен научиться ловить рыбу. Он должен стать крупнее и покрыться слоем жира.

Медведица замерла и уставилась в янтарную толщу воды, высматривая рыбину. Она чувствовала, что Фаолан теряет терпение и не может долго стоять на одном месте, однако форель пока никак не давала о себе знать. Щенок немного поскулил и замотал головой по направлению к растущей поблизости осоке. Медведица нехотя согласилась. Теперь ей придется следить одним глазом за рыбой, а другим за волчонком.

Он же сам был просто счастлив. В прибрежных зарослях всегда можно было отыскать много личинок, водяных жуков и божьих коровок, столь любимых медведями, а теперь приятных на вкус и Фаолану. Он нашел их целое гнездо и теперь повизгивал от восторга.

Зарывшись в траву по самую макушку, волчонок задрал мордочку, всю усеянную красными пятнышками. В то же мгновение Гром-Сердце заметила проблеск форели. С громким всплеском она ударила передней лапой по воде, схватила рыбину и выбросила ее на камень. Брызнула кровь, и в алых ее каплях отразился свет поднимавшегося над горизонтом солнца.

Фаолан застыл на месте. Он учуял... кровь. Взгляд щенка приковался к скатывающимся по камню капелькам, ослепительно сиявшим в утреннем свете. Сердце его забилось сильнее, во рту выступила слюна, язык высунулся из пасти. Этот неожиданно проснувшийся голод поразил его до глубины души, и он испытал огромное восхищение перед Гром-Сердцем. Помотав головой, чтобы стряхнуть назойливых божьих коровок, он робко подошел к медведице.

Сначала пригнув голову, а затем и всем телом опустившись к земле, прижав уши к голове, он заискивающе посмотрел вверх. Гром-Сердце прорычала тихонько, словно спрашивая: «Что ты делаешь?» Никогда еще Фаолан не держал себя настолько по-волчьи, и она догадалась, что таким образом он инстинктивно оказывает ей уважение. Но где он этому научился?

Впрочем, ответ был ей известен. Это в нем говорит кровь. Процарапав когтями рыбу, она пробудила в нем жажду крови. То же самое бывало и с ее медвежатами, но они никогда так странно себя не вели. Они принимались толкаться, бороться, стараясь первыми попробовать свежее мясо, рычали друг на друга, шумели; Фаолан же подполз к ней на животе. «Как будто я – Урсус, а не просто медведица-мать!»

Гром-Сердце разорвала форель напополам и положила ее перед Фаоланом, но тот продолжал выжидающе смотреть на нее, словно о чем-то умоляя. Из его пасти стекала слюна, но

рыбу он взять не осмеливался. Она пододвинула добычу поближе к нему, но волчонок только еще сильнее прижался к земле и принялся слабо поскуливать. Гром-Сердце изучающе смотрела на него, он же переводил взгляд с рыбы на медведицу и обратно. Вдруг ей стало ясно: «Я должна поесть первой!»

«Но как, – удивлялась она, – как он выживет, если будет позволять другим есть первыми? Неужели так поступают все волки? Неужели так принято в стае? Но ему обязательно нужно есть! Нельзя отдавать пищу другим, иначе его самого съедят!» Она совершенно запуталась и уже ничего не понимала.

Все, что она знала, – как воспитывать медвежат. Воспитывать волков ей еще не приходилось.

Фаолан продолжал лежать на животе, временами бросая на медведицу робкие взгляды, но всякий раз быстро отводя глаза, стоило ей в ответ посмотреть на него. Наконец она решилась и откусила хвост рыбы, чтобы отдать волчонку самые сочные куски.

Он тут же накинулся на то, что осталось.

С этого момента в обучении рыбалке волчонок не знал себе равных. Утро не успело еще закончиться, как он уже всюду плавал за форелью и в поисках рыбы исследовал самые укромные места реки. Кривой лапкой он действовал просто отлично, и этому Гром-Сердце радовалась больше всего. Как оказалось, этой лапой ему было очень удобно подхватывать форель и выбрасывать ее на берег.

К полудню Фаолан и Гром-Сердце объелись и лениво лежали на освещенном солнцем берегу, рассматривая белые облачка в небе. Медведица фыркнула и указала лапой на одну тучку, очень похожую на форель, которую они ловили. Фаолан затаивал от восхищения и тут же принялся изучать остальные облака в поисках забавных фигур. Вдруг он подпрыгнул и оживленно забил хвостом по земле: увидел, как облачко поменьше беззвучно столкнулось с облаком побольше и как бы село ему на загривок. Гром-Сердце тоже поднялась, выпрямилась и внимательно всмотрелась в небо. Фаолан не скрывал восторга:

– Это мы! Это мы! Это я на небе еду на тебе!

И, словно в подтверждение своих слов, он вскочил на загривок Гром-Сердца. Огромная медведица заурчала от радости и, громко топая, повезла волчонка к берлогу.

Глава шестая

Урок крови

Они еще не успели далеко уйти, когда медведица почуяла, что Фаолан как-то странно насторожился, и тут же сама увидела, что привлекло его внимание. Неподалеку от них на полянку у реки выходила медведица-гризли с двумя медвежатами. Те тоже их заметили и замерли. Щенок спрыгнул с загривка Гром-Сердца и поспешил скрыться за ней, прижавшись к задней лапе и зарывшись в мех. Медведица с детенышами осторожно двинулись навстречу им. Наконец Фаолан решился выглянуть, и оба медвежонка тут же весело зафыркали. Они над ним смеялись, и он это понял! Их мать просто удивленно уставилась на него.

Гром-Сердце чувствовала, как Фаолана охватила дрожь. Он сообразил, что отличается от других! Рано или поздно это должно было произойти. Первым, инстинктивным ее стремлением было заслонить волчонка и не дать на него смотреть. Но чем внимательнее медведица-мать их разглядывала и чем громче фыркали медвежата – один из них даже упал на землю и принялся кататься в восторге от такого смешного зрелища, – тем больше в Гром-Сердце росло решение не прятать Фаолана. Она даже подвинулась, чтобы он весь оказался на виду, и содрогнулась, поняв, насколько щенок все-таки мал по сравнению с медвежатами.

Фаолан печально взвизгнул и посмотрел на Гром-Сердце. Как бы ей хотелось, чтобы он был хотя бы раза в два выше и толще! Но медведица оставалась непреклонной и не обменялась с ним ни единым звуком, ни малейшим знаком. Сейчас она только вспоминала, как вытащила его ночью из реки, распознав в жалком комочке едва не потухшую искорку. Искорку, которая при желании могла яростно настоять на своем.

Видимо, Фаолан что-то прочел в ее глазах. Он спокойно повернулся к медвежатам, которые уже оба валялись в траве и едва не задыхались от смеха. За долю секунды его тело преобразилось, перестало дрожать. Он прошел немного вперед, подняв хвост и наострив уши. Медведица-мать ошетичилась от страха, протянула лапу и шлепнула медвежонка, который был поближе. Тот завизжал, а его сестренка прекратила фыркать и удивленно уставилась на Фаолана.

Теперь медвежье семейство взирало на волчонка с настороженным замешательством. Как может такое маленькое существо так дерзко себя с ними вести? Удивилась и Гром-Сердце: Фаолан оставался крошечным, но уже казался хозяином положения. Сейчас он как бы одновременно находился между двумя мирами, один из которых даже никогда не видел. Как будто волчонок принадлежал к чему-то очень важному и древнему, как будто его окружали духи невидимой стаи.

Наконец его хвост немного опустился и слегка завилял из стороны в сторону. Гром-Сердце подошла к Фаолану и рыком приказала следовать за ней, ободряюще похлопав по холке.

Мать-гризли аж заморгала от изумления. Что это за странный зверь, который выглядит как волк, но ведет себя как медвежонок?

Удивлены были все участники этой сцены, но Фаолан – больше всех. Он следовал за Гром-Сердцем, и в голове его беспрестанно крутилась одна-единственная мысль: «Я другой. Я другой. Я другой».

По пути к берлоге они миновали небольшую бухточку, в которой рыбачили утром. Вода здесь была спокойной, почти стоячей. Фаолан ненадолго остановился и посмотрел на водную гладь. Гром-Сердце подумала, что он разглядел рыбу, и подошла ближе. На темной блестящей поверхности ясно виднелись их отражения. «Я совсем не похож ни на нее, ни на других знакомых мне животных. Почему у меня такие зеленые глаза? Почему у меня такая узкая морда? У Гром-Сердца морда широкая, шире, чем моя грудь. И мех у нее такой густой и темный, мой же почему-то слишком светлый».

* * *

Они вернулись в берлогу. По привычке Фаолан прижался к груди медведицы и принялся сосать молоко. При этом он смотрел прямо ей в глаза, словно задавая невысказанный вопрос: «Почему я не похож на тебя?» Она тихонько зарычала и вместо ответа лизнула его в нос.

«Любовь, – подумала она. – Любовь – вот что самое главное». Но вслух Гром-Сердце этого не произнесла. Медведи вообще звери необщительные и не очень-то любят выражать свои самые сокровенные чувства. Им кажется, что, говоря вслух о глубинных переживаниях, они тем самым как бы уменьшают их значимость. Так что Гром-Сердце просто многозначительно смотрела на Фаолана, и он, усвоивший повадки медведей, не сводил взгляда с ее янтарных глаз. Он понимал, что пусть он и другого племени, но любит она его так же, как если он был ее собственным детенышем.

Гром-Сердце чувствовала, что молоко скоро кончится и она больше не сможет кормить волчонка. Конечно, она радовалась, что у него так хорошо получается ловить рыбу, но ему нужно научиться добывать и настоящее мясо. Пожалуй, это будет легче, чем она предполагала, потому что ведь именно Фаолан первым заметил медведицу-мать с медвежатами. Наверное, он почуял их запах. А хорошее чутье – самое важное при охоте на зверя.

Полуденную жару и ранний вечер они оба проспали.

* * *

Гром-Сердцу показалось, что откуда-то доносится запах приближающегося медведя. Однако она не могла пошевелиться, лапы ее онемели, как будто она погрузилась в спячку. «Но сейчас же не зима, – говорила она себе. – Я должна двигаться. Мои медвежата... медвежата... А если это спячка, значит, сейчас не время спариваться. Зачем же я тогда оставила метку? Что меня так смущает? Разве сейчас время оставлять пахучие метки?» Она едва могла приподнять голову, не говоря уже о том, чтобы встать в полный рост и пометить деревья у берлоги. Когда огромный самец гризли пропорол когтями ее медвежонка до самых костей, поток крови обгарил совершенную синеву неба. Гром-Сердце поднялась, яростно зарычала и бросилась на медведя. Она расцарапала ему лапу; он завизжал и пустился наутек. Но была ли эта рана смертельной? Она боялась, что нет. Он вернется... Он вернется...

* * *

От приснившегося кошмара Гром-Сердце очнулась, содрогнувшись и сбросив с себя волчонка.

– Урскадамус! – проворчала она под нос.

Фаолан в удивлении взирал на нее. Гримаса страха сводила его челюсти, хвост был поджат между задними лапами, на загривке испуганно ерошилась шерсть. Медведица беспокойно запыхтела. Она понимала, что скоро наступит время, когда самцы гризли будут настойчиво искать ее общества. Если она поставит метки до того, как будет готова к спариванию, и до того, как на ее территорию зайдет медведь, то, возможно, им удастся избежать опасности.

Она знала, что волки тоже оставляют пахучие метки, а это может спутать других медведей и сбить их с толку. У нее не было ни малейшего желания спариваться. Фаолан будет ее последним детенышем, и она решила позаботиться о нем как следует. Ни один самец не должен причинить ему вред или прогнать от нее.

Но можно ли научить его вставать и идти на задних лапах, как это делают медведи? Прыгал Фаолан, как выяснилось, довольно высоко, особенно когда ему хотелось покататься у нее на загривке. Оставлять метки он тоже сможет, он ведь мочился вокруг берлоги; но нужны были еще особые знаки вроде тех, которые Гром-Сердце иногда чуяла, проходя через территорию волков.

Что ж, этот урок будет практическим. В отличие от любви, которую не выразить никакими словами, основы поведения можно объяснить, а не только показать на своем примере. К тому же в последнее время Фаолан стал разговаривать увереннее. Раньше Гром-Сердцу изредка доводилось слышать, как общаются между собой волки и совы, и тогда ей казалось, что их речь совсем не похожа на речь медведей, но, конечно, на самом деле они отличались не так уж сильно. Разница в основном заключалась в интонациях, ее можно было сравнить со звуками воды. Журчание быстрого ручья тоже отличается от шума водопада или тихого всплеска посреди озерной глади – но все это вода, нужно только прислушаться.

Голос Фаолана был выше и не таким глубоким, как ее. Что касается сов, то их интонации отличались даже у разных видов: одни говорили почти неслышно, другие звонко кричали, третьи издавали скрипучие звуки. И ни одна из них не говорила так, как говорят медведи, хотя слова при этом были почти те же. А в речи Фаолана уже проскакивали некоторые медвежьи интонации, в голосе появилась грубость, стали заметными гортанные звуки, обычные для речи гризли.

Как только они вышли из берлоги, Фаолан сразу же, привычным маршрутом, понесся к берегу реки. Гром-Сердце одернула его тихим рычанием и ткнула в бок носом, развернув в другом направлении:

– Сюда!

Кивком головы она показала на большую белую сосну, а затем привстала и принялась тереться о дерево спиной. Послышался треск сдираемой коры – так она метила территорию, но метка была не той, которую оставляют самки, готовые к спариванию. Фаолану тоже нужно оставить пахучую метку со своим собственным запахом.

Гром-Сердце пристально посмотрела на него. Она понимала, что Фаолан должен как-то делать это задней частью своего тела. Опустившись на все лапы, медведица раскинулась на земле и нежно фыркнула, как обычно поступала, предлагая ему в шутку побороться. Волчонок тут же взобрался к ней на спину. Запах ароматических желез на ее коже пробивался даже сквозь густую шерсть.

– Что это?

– Мой запах.

Фаолан и прежде чуял его во время поездок верхом, но сейчас этот аромат был намного более мощным, почти едким, и сильно отличался от сладковатого запаха молока. Это был отчетливый сигнал – сообщение о том, что берлога и все вокруг нее вплоть до ольховой рощицы принадлежало Гром-Сердцу и ему, ее детенышу. В Фаолане заворочались какие-то смутные чувства:

– Я тоже так могу!

Уткнувшись носом в пахучий мех на шее медведицы, он вылизал ее ухо изнутри, а затем прыгнул и подбежал к ближайшему дереву. Гром-Сердце наблюдала, как он прижался задом к коре и опустил хвост. «Да он на лету все ловит!» – подумала медведица. Даже ничего объяснять не пришлось – он сам понял, как важно оставлять запахи. «Какой он все-таки замечательный щеночек!»

Мышцы у основания его хвоста сократились, выпустив пахучую жидкость. Фаолан принялся бегать по рощице, оставляя свои метки на каждом дереве, камне и пеньке. «Мое! Мое! Мое!» – стучало у него в голове. Но это было только начало.

Вскоре он почувствовал зуд и в других частях тела. Упав на землю, Фаолан стал яростно тереться о траву. Пахучие железы между пальцев лап оставляли другие метки, и мысленные вопли «Мое! Мое! Мое!» сменились столь же интенсивным криком «Наше! Наше! Наше!». В нем пробудилась смутная память предков.

Но других волков он не знал, и из всех зверей ему знакома была лишь Гром-Сердце. Он остановился и снова посмотрел на нее. Медведица стояла у дерева, о которое только что потерялась, – не в полусогнутом состоянии, как прежде, а выпрямившись, строгая и величавая. Глаза ее сияли рыжевато-коричневым светом, который ему так нравился, но сейчас в них заметен был и некий вызов, как будто она решила предложить ему что-то еще.

– Идем. Идем за мной! – фыркнула она.

Фаолан вздернул голову и стал подпрыгивать, намереваясь вскочить на загривок Гром-Сердца, но та всякий раз переходила к другому дереву, ударяя передними лапами по веткам над головой, до которых могла дотянуться.

Зеленые листья, осыпаясь с веток, ловили последние лучи заходящего солнца. Фаолан подпрыгнул и поймал один листочек, прежде чем тот успел упасть на землю. Гром-Сердце издала низкий довольный рык и снова потрясла дерево. Так они поиграли еще немного, и каждый раз Фаолан подпрыгивал все выше и выше.

Наконец Гром-Сердце отвернулась и пошла дальше, по-прежнему на задних лапах. Она оглядывалась на Фаолана, словно призывая идти следом. Вдруг медведица резко остановилась и с шумом опустила на все четыре лапы, а затем снова поднялась и замахала передними, как делала, когда предлагала волчонку запрыгнуть на дерево.

– На двух лапах! – приказала она.

Фаолан так и замер: можно было видеть, как мучительно в мыслях он переваривает это необычное предложение. Потом волчонок попытался встать вертикально – Гром-Сердце наблюдала за ним почти не дыша – и сделал робкий шаг по направлению к ней.

Медведица довольно зарычала, опустила на землю и облизала мордочку Фаолана, не переставая радостно пыхтеть. Неподалеку она заметила низкий куст со спелыми ягодами и отломала от него ветку, потом снова встала на задние лапы и помахала веткой перед волчком. Она знала, что ему нравятся эти ягоды. Тот тут же поднялся и снова попытался идти вертикально. На этот раз он сделал целых четыре шага! Гром-Сердце ликовала.

Волчонок быстро учился, и она радовалась, что учит его. Медвежата на задних лапах ходят почти с рождения, для них это естественно, а Фаолан не был приспособлен так передвигаться. Гром-Сердце начала понимать, что он не просто смысленный щенок, а действительно очень необычное существо.

К наступлению темноты Фаолан уже ходил на задних лапах почти так же уверенно, как любой медвежонок. А прежде чем погасли последние солнечные лучи и землю накрыл пурпурный сумрак, Фаолан усвоил еще один урок, самый для него важный. Он заметил, как невдалеке что-то белое метнулось в сторону и скрылось у большого куста – это горностаи забежали к себе в норку. Стоя на четырех лапах, волчонок никогда бы этого не увидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.